

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ

О СОБЫТИИ 1757 ГОДА.

Въ 1856 году, въ темный, осенній вечеръ, ѣхалъ я изъ Дорогобужа въ Вязьму. Грязь была ужасная; колеса моей брички ежеминутно вязли; старикъ Евлампій голосомъ и кнутомъ тщетно понукалъ измученныхъ лошадей. Мелкій дождикъ моросилъ по немногу; я дремалъ, покачиваясь въ право и въ лѣво, уткнувъ носъ въ теплой воротникъ шинели. Только иногда порывистый вѣтеръ, пахнувъ мнѣ въ лицо, заставлялъ открыть глаза. Въ эти минуты, я видѣлъ предъ собой съузившуюся, маленькую фигурку Евлампія, нѣсколько минутъ слѣдилъ за его рукою, помахивающую кнутомъ, прислушивался къ однозвучному голосу, къ его однообразному понуканью лошадей, затѣмъ вновь погружался въ сладкую дремоту.... Сквозь сонъ, слышу свистъ усилившагося вѣтра и плески рѣки, которая разыгралась въ своемъ осеннемъ разливѣ.

Лѣнь открыть глаза, я уже не сплю; слышу, экипажъ останавливается; Евлампій, ворча, слѣзаетъ съ козелъ и поправляетъ шлею на пристяжной.

— Что случилось?

— Да вотъ, Михайлъ Ивановичъ, никоимъ образомъ дальше ѣхать не сподручно, отвѣчаетъ Евлампій. Взяма то ужь больно расходилась, вишь ты какъ ее бурлитъ. Слышите? Надо обождать покедова погодка не умается, а то, чай, и лошадей, и бричку угодишь ко дну!

— Не стоять же намъ на дорогѣ?

— Оно точно, что не стоять... Такъ не угодно ли будетъ заѣхать въ это село, вонъ, что виднѣется на горѣ, домъ господина Горожанскаго. Баринъ добрый, гостю радъ, а коли ихъ нѣтъ такъ бурмистръ, Михайло, человекъ хорошій, дастъ лошадамъ корму, да и твоя милость вздохнетъ маленько.

— Ладно, поворачивай туда.

Четверть часа спустя, мы подъѣхали къ небольшому, одноэтажному домику, стоящему посреди людскихъ избъ, конюшенъ, амбаровъ, риги, и всякихъ принадлежностей каждаго села.

Изъ одного только окна виднѣлся огонь. Шумъ подъѣхавшаго экипажа былъ слышанъ. Въ комнатѣ засуетились, тамъ и сямъ замелькали свѣчи, распахнулись двери, на крылечкѣ показалась фигура молодого парня въ казакинѣ, босикомъ. Парень держалъ предъ собой свѣчу и осторожно закрывалъ ее отъ вѣтра и пристально вглядывался въ подъѣхавшій экипажъ. За парнемъ, явился старикъ въ полушубкѣ, съ сѣдою бородою и умною физиономіей.

— Что, старикъ, господа дома? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ—съ, отвѣчалъ бурмистръ Михайло (то былъ онъ). За границу, въ Нѣметчину уѣхамши. Братецъ ихній наѣзжалъ надьсь сюда въ отпускъ, такъ и тѣ уже изволили отправиться въ службу.

— А что, голубчикъ, можно у васъ переночевать, да лошадей выкормить?

— Для—че нельзя, за всегда можно—съ! Дѣло сусѣдское. Вы Хмѣлитскіе, что—ль? заключилъ Михайло, быстрымъ взглядомъ окидывая лошадей и Евлампія.

Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

— Какъ же, прослышамши про Ивана Егорыча много... Мужички оченно ужь его хвалятъ... Милости просимъ, милости просимъ. Терешка, бѣги поставь духомъ самоваръ, да тужь се—

кунду бѣги на скотной къ Өомкѣ. Скажи, чтобъ сливокъ снялъ получше, да сыру, масла и булокъ принеси,—скороговоркой говорилъ старикъ, высаживая меня изъ экипажа.

Терешка, въ прискочку, бросился черезъ дворъ и исчезъ въ темнотѣ.

Въ чистой комнаткѣ, за чайнымъ столомъ, послѣ четырехъ-пяти часовъ, проведенныхъ въ дорогѣ подъ частымъ дождемъ, приятно отдохнуть; съ теплотою, разливающеюся по всему тѣлу, является хорошее расположеніе духа и желаніе отвести душу въ задушевной бесѣдѣ.

Старикъ, исполняя мою просьбу, вмѣстѣ со мною усѣлся пить чай. Разговоръ начался о владѣльцѣ имѣнья. Михайло хвалилъ своего барина, человѣка еще молодого, холостяка, служившаго нѣкогда, какъ выразился бурмистръ, «въ каллигвардіи». Говорилъ, что онъ добръ, крестьянъ не гнететъ, что дворовымъ за нимъ житье. Одно, вишь, только дѣло диковинное, продолжалъ расказчикъ, нашъ-то Николай Степанычъ больно ужъ къ женскому полу ненависть питаетъ... «Теперь, такъ сказать, началъ Михайло шопотомъ, наклоняясь къ моему уху, у насъ, промежъ дворовыхъ, нѣтъ то есть ни одной женщны. А осмѣлюсь доложить, дворня опосля ихняго батюшки (царствіе имъ небесное) осталась большущая; парни въ соку, что ни на есть, то есть, самые здоровые... А тутъ безпремѣнно будь холость, баринъ молодой терпѣть не можетъ бабъ. Какія остались опосля покойнаго барина замужня, всѣхъ перевелъ въ крестьянство, по деревнямъ тягло тянуть, задѣлье править. Дѣвокъ, какія были, хорошія аль дурныя, пораспродаль, почитай, что себѣ въ убытокъ. На какихъ покупатели не нашлись, тѣхъ перевелъ въ деревни, да повыдалъ замужъ за мужиковъ; одно слово, разогналъ всѣхъ бабъ, да и только. И теперича, вѣрите-ль, у насъ на селѣ мужчинъ съ полъ сотни, коли не больше, наберется, и какъ есть ни одной юбки на лицо не состоитъ.

— Отъ чего жъ это Николай Степанычъ не любитъ женщинъ?

— А Богъ вѣсть. Какъ изъ Петербурга пріѣхалъ, такъ и ненависть къ нимъ сталъ питать. Должно быть съ глазу, аль такъ съ порчи; но только ужъ оченно отвращаются отъ женскаго пола. Мнѣ, выходить, старому ништо жить, въ удовольствіе, но сами посудите, каково молодымъ то парнямъ?.. Эвтимъ только обиж-

даетъ Николай Степанычъ свою дворню, а то на всемъ, на другомъ, баринъ доброты ангельской.

Разговоръ зашелъ о сосѣднихъ помѣщикахъ.

— Чьи это два громадныхъ села, спросилъ я: — на большой дорогѣ лежать, верстахъ въ десяти отсюда? Постройка вся каменная, дома въ три этажа съ башнями, садъ съ бесѣдками?

— А это, батюшка ты мой, отвѣчалъ Михайло, имѣнья господъ Барышниковыхъ—съ. Село что ни на-есть первостатейное, помѣщики богатѣющіе, а дѣдушка то ихъ былъ такъ, простой, какъ есть простой, мѣщанинъ Вяземскій, Иванъ Сергѣевъ. Вотъ—съ, говорятъ: краденое въ прокъ не идетъ, — нѣтъ, часомъ и оно вывозить....

«Давно уже это было, началъ Михайло, опрокидывая стаканъ на блюдечко и вытирая ротъ рукавомъ:—лѣтъ сто тому назадъ, въ царствованіе матушки Государыни Елизаветы Петровны,—кажись такъ. И была она, значить Елизавета-то Петровна, въ несогласіи съ Пруссакомъ, сказать не солгать, а помнится, читалъ я въ бариновыхъ книжкахъ, что того-то недруга Пруссака звали Федоромъ; но изъ за чего это у нихъ вышла баталія, знать этого не можемъ. Наше дѣло мужицкое, дѣло темное, знай свою некрутчину, а дальше и не суйся... Какъ вышла это баталія, въ тужь секунду отправила Елизавета Петровна генерала Апраксина (и имя-то съ отчествомъ зналъ, да вотъ забылъ); рать наша была сила несмѣтная; съ обѣихъ полось, должно быть, некрутчину брали, и Башкировъ и Калмыковъ и всякого, выходитъ, народу понагнали, и все это шло въ Нѣмецину.

«Долголь, малоль шли они туда по почтовымъ трахтамъ, только искали они эвтого короля Федора, искали оченно ужъ долго. Все, вишь Нѣмецъ то, душегубецъ, прятался отъ насъ, то въ лѣсокъ куда юркнетъ, то за горку станеть, то въ деревенькѣ какой пріютится. Истомились наши, искамши-то его. Къ скончанію, приперли они его къ рѣкѣ какой-то, тожь выходитъ нѣмецкой.

«Донесли о томъ Апраксину; тотъ въ тужь секунду велѣлъ окружить Нѣмцевъ, да и зачать стрѣльбу.

«Поднялась ты, мой батюшка, такая пальба, что небо такъ копотью и пошло, и пошло! Палили наши, палили, а тамъ сабли въ руки, да ножи, и зачалась это бойня, почитай не хуже того, какъ у насъ въ Вяземѣ телятъ рѣжутъ; ей Богу—съ. Ре-

вуть Нѣмцы благимъ матомъ, мало ихъ осталось, начали бростаться въ рѣку, тонуть, воютъ, стонутъ; ухватили съ собой Федора, да и ну въ запуски отъ нашихъ.

«Случилась эта оказія, призадумался нѣмецкій Федоръ. «Не силой, говоритъ, такъ деньгами, а пройдемъ эвтихъ чертей Русскихъ». Да на томъ и порѣшилъ. Собралъ онъ, вишь, золото (Нѣмцы не нашъ братъ, народъ больно ловокъ, у нихъ все то золото, что у насъ ходитъ мѣдью) да собравши, ввалилъ все это добро въ бочку, всего пуда въ полтора вышло; ей-Богу-съ. За тѣмъ и послалъ этотъ подарочекъ къ енералу нашему Апраксину.

«А тотъ, какъ сказывалъ мнѣ старикъ отецъ (который въ то самое время тожъ въ Нѣметчинѣ былъ капраломъ, по нынѣшнему ундеромъ, такъ эту-то исторію зналъ всю доподлинно), такъ енераль-то нашъ былъ изъ себя человекъ мужественный, больно на счетъ службы строгъ, а главное дѣло оченно ужъ къ деньгамъ-то завистливъ. Глядѣлъ онъ, глядѣлъ на денежки нѣмецкія; золото, словно жаръ горитъ; опять же и немало его—бочка цѣлая, не шутка. Не устояла енеральская душа супротивъ такого соблазна, заложилъ онъ ее чорту, отступилъ отъ присяги. Взялъ бочку-то, да и оповѣстилъ Федора, такъ молъ и такъ: «за твое, молъ, добро, оченно ужъ тебѣ благодаренъ, всякое молъ удовольствіе готовъ тебѣ сдѣлать, и дамъ-тѣ другу моему вздохнуть, да оправиться. За-мѣсто того, чтобъ давить тебя, съ войскомъ твоимъ, да самого-то тебя, Федора, полонить и свезти къ матушкѣ нашей Елизаветѣ Петровнѣ во дворецъ, я уберусь съ своими солдатушками, да съ Башкирами, да съ Калмыками къ Польской границѣ, а оттедова къ себѣ домой—на лежаночку».

«По писанному, какъ по сказанному, и поделся нашъ енераль вспать.

«Идутъ назадъ, а енераль входитъ въ опасеніе: не прозналъ бы кто про нѣмецкій гостинецъ, да не оповѣстилъ бы въ Петербургѣ. Надо послать его куда ни на есть подалше, да и скоронить концы.

«Былъ у него маркитантъ, къ его столу, аначить, вино и прочій провіантъ ставилъ—Иванъ Сергѣевъ, нашъ Вяземскій мѣщанинъ. Парень ловкій, шустрый, изъ себя изворотливый, чорта и того, кажись, надуетъ.

«Призываетъ его енераль къ себѣ. Такъ и такъ говорить. Дѣло, молъ, очень важное. Обработай его такъ, чтобъ никто не зналъ. По гробъ будешь удовольствованъ, пенсію станешь получать отъ меня, ровно полковникъ какой. Въ бочкѣ, вишь, этой лежитъ золото, а написано на бочкѣ, что налито сюды вино. Вези это вино ко мнѣ домой, да вези не расплещи его,—понимаешь? И веди дѣло такъ, чтобъ были въ той вѣрѣ, что здѣсь и впрямъ вино, да вино не простое, а что ни на есть первый сортъ, заморское. А привезши, отдай бочку самой енеральшѣ въ руки,—слышишь? Сдѣлаешь дѣло въ акуратѣ, жаловаться не будешь. Скажу тебѣ спасибо енеральское. А не сдѣлаешь, надуешь, такъ хоть на дно морское спрячешься, такъ и оттедова я тебя вытащу, да за языкъ повѣшу!

«Тотъ, какъ водится, клянется, божится; я-ль, молъ, не послужу вашему сіятельству; въ кабалу пойду, только чтобъ угодить вамъ, и награды то, выходить, не хочу; а есть во мнѣ только одно жаланіе, какъ бы сдѣлать вамъ удовольствіе.

«На томъ дѣло и порѣшили. Получилъ Сергѣевъ цидулку къ енеральшѣ, получилъ и бочку съ червонцами, да съ надписью: вино заморское, первый сортъ; взвалилъ бочку на телѣжку, прикрылъ кое-какимъ хламомъ, да и повезъ себѣ трускомъ къ енеральшѣ.

«Гдѣ та жила: въ губерніи—ли какой, въ столицѣ—ль, только пріѣхалъ онъ къ ней. Подалъ письмо въ руки ея сіятельства. Та читаетъ: золото—де привезетъ къ тебѣ отъ меня, такой—де и такой мѣщанинъ, награди его щедрѣе, да милостивѣе, и прочеъ.

«Та значить очень ужъ обрадовалась; приказала ему снести бочку ту завязанную, перевязанную, да запечатанную въ кладовую. За тѣмъ сдѣлала Сергѣеву всякое награжденіе, мало того, дала тому холопу ручку свою енеральскую поцаловать, да съ ласковымъ словомъ и отпустила.

«Уѣхалъ Сергѣевъ. По маломъ времени, не вытерпѣла енеральша; вздумала полюбоваться, взоръ свой потѣшить денежками. Забралась въ кладовую, позаперла съ оглядкой двери, собственными нѣжными ручками сняла рогожи да войлоки, пообрѣзала веревки, умудрилась отворить заклепку, крышку въ дырѣ, а на нее такъ и хлынуло — не золото нѣмецкое, а вино заморское!

«Сказывали мнѣ старики (отколь они все это прослышали, Богъ вѣсть), что енеральша только ахнула, да такъ замертво и грохнулась о землю.

«А! каковъ, батюшка, мѣщанинъ Сергѣевъ? Ловокъ! Зналъ скусъ, что золото, а что вино; выгребъ его всего до чиста, а винца за мѣсто червончиковъ и налил; пусть-де надпись правду говоритъ!

«Вѣстимо, кабы енераль то въ милости остался у Царицы, такъ и взаправду снялъ бы съ Сергѣева кожу, али и впрямъ за языкъ повѣсилъ такого плута, анъ вышло иначе.

«Да, на счастье Сергѣева подошла такая статья: на енералѣ осерчала государыня, приказала его засадить въ желѣза, и что опосля съ нимъ стало, не могу доподлинно доложить. Знать, сослали куда — такъ о немъ и слухъ остылъ.

— А съ Сергѣевымъ что было?

— Ну, а съ нимъ, съ первоначала, все пошло очень ужъ хорошо. Человѣкъ денежный, вернулся сюда въ Вязьму, не подаетъ и виду, что вотъ, молъ, кладъ получилъ; а тамъ по малости сталъ выходить въ кушцы, по гильдіямъ пошелъ, почетнымъ гражданиномъ сталъ. Сыпнулъ денежками туда, сюда, анъ-глядь, и дворянскую-то грамотку прислали ему, сыскали, гдѣ-то документъ, что онъ, молъ, Иванъ Сергѣевъ Барышниковъ (такъ за нимъ это прозвище и осталось, самъ ли его принялъ, аль люди по его барышничеству назвали этимъ именемъ, того не знаю), давнымъ давно былъ *столбовой*, что только по затеряніи бумагъ ему довелось быть мѣщаниномъ, а что нынѣ тѣ бумаги его нашлись... и опять онъ въ *столбовые* воспроизводится. Тогда, изволите видѣть, время было простое, были бы деньги, да желаніе, такъ дворяниномъ будешь.

«Сталъ онъ дворянинъ; женился чуть ли не на воеводской (по нынѣшнему губернаторской) дочкѣ; купилъ два большія села, обстроилъ ихъ — все дворцы, да и только. Завелъ дворню, дѣвокъ видимо-невидимо, собакъ, музыкантовъ, лошадей, ахтерокъ, скотъ всякій нѣмецкій и зажилъ настоящимъ столбовымъ баринномъ. Одно слово князь, да и не подходит близко!

«Говорю я скоро, а дѣло дѣлалъ онъ осторожно, съ оглядкою. не торохась, человѣкъ ловкій, виду боялся подать, ну и держалъ такую линію, якобы чрезъ торги, да казенные подряды (во

все это онъ точно входилъ), якобы этимъ самымъ и разбогатѣлъ.

«Въ домѣ его, сундучки были полны денежками. И стояли тѣ сундучки на низу, въ кладовой. Двери подъ печатами, да подъ замками туда были, и окромя, то есть, его старика (а ему шестой десятокъ пошелъ) въ ту-то комнату никто не входилъ. Я къ тому рѣчь веду, что зачастую воръ воровъ и наказанъ бываетъ.

«Промежь дворни Барышникова былъ парень, Митрошкой звали, плутъ какихъ мало; стала бить его лихоманка, какъ-бы захватиться въ кладовую, да заглянуть въ стариковскіе сундучки. Думалъ, думалъ, да и додумался до того, что полѣзъ въ трубу, да скрость каминъ и вошелъ въ кладовую. Печи были, извѣстно, громоздвыя, трубы широкія, дверцы камина не заперты, онъ и шастъ въ комнату, да къ сундукамъ. Два незамкнуты, на третьемъ замockъ виситъ, нагребъ нѣсколько горстей сколько въ моготу было, съ замockа снялъ восковой слѣпочекъ, да и назадъ по той же дорожкѣ.

«Придѣлалъ къ слѣпку какой надо ключъ, да этакимъ манеромъ и сталъ гулять малый въ кладовую почитай что не кажную недѣлю. Сталъ замѣчать старикъ, что дѣло не ладно, что денежки плывутъ да плывутъ; что въ кладовой сыскался, окромя его, другой хозяинъ. Печати, замки, рѣшетки въ окнахъ, все цѣло, — что за притча?

«Сталъ караулить. Митрошка и самъ не дуракъ, малый не промахъ, въ просакъ не дается. Старикъ посыпалъ полъ въ кладовой пескомъ, авось молъ слѣдъ на песокъ обозначится, — Митрошка и тутъ зѣвка не даль: въ сундуки заглянетъ, свое дѣло обрабатываетъ, да тамъ и пошелъ къ камину задомъ, идетъ; а самъ слѣдъ на песокъ замечаетъ.

«Старика въ потъ, да въ горячку стало бросать. И стало ему чудиться, что самъ енераль, въ видѣ чорта, сталъ ходить за своимъ добромъ, своимъ золотомъ. Откинулся отъ пищи старикъ, не ѣстъ, не пьетъ; истощился весь. А Митрошка тѣмъ временемъ сталъ пускать промежь дворни слухъ, якобы, то есть, какая то тѣнь, вся въ бѣломъ, да такая страшная, ходитъ по ночамъ въ кладовыхъ, дверей не отворяетъ, оконъ не разбиваетъ, а скрость стѣны проходить.

«Дошли слухи до старика; того еще больше одурь взяла. Въ болѣсть бросило совсѣмъ, доктора стали лечить всѣми средствами, да нѣтъ, видно смерть пришла. Метался онъ, сказывали мнѣ тамошніе люди, метался онъ долго, мучился, бредилъ, кричалъ и стоналъ. И Богъ вѣсть, что грезилось старику Барышникову; всего коробить, да по томъ прошибаетъ; мѣсяць онъ помаялся, да за тѣмъ въ корчахъ и отдалъ Богу душу!

— Какъ же открылось воровство Митрошки?

— Да открылось оно просто. Опосля смерти Ивана Сергѣича, старшій сынъ принялъ все хозяйство съ свои руки. Осмотрѣлъ все добро въ кладовыхъ, да и позаперъ сундуки новыми замками. Митрошка тѣмъ временемъ сталъ бодрѣе, да ужъ и оглядки въ немъ той не было. Пошлъ онъ въ одну ноченьку знакомой дорожкой, — да подь хмѣлькомъ. Сунулъ къ замкамъ, а замки новые. Сталъ ихъ съ пьяна ломать; истомился весь за работой, да и прилегъ тутъ же отдохнуть. Какъ прилегъ, такъ до утра и проспалъ.

«Пришелъ баринъ, а Митрошка тутъ какъ тутъ, спитъ ровно правый.

«Пошла экзекуція. Многоль, малоль ему дали не знаю, а должно быть довольно, потому что во всемъ, какъ есть, до чиста покался. Провалился въ больницѣ, выздоровѣлъ, да за тѣмъ и забрили ему лобъ предъ самымъ разореннымъ годомъ, предъ Французомъ...»

Это преданіе, не выдуманное нами, а отъ слова до слова спитанное со словъ старика крестьянина, тѣмъ болѣе интересно, что въ разныхъ сочиненіяхъ, относящихся къ Семилѣтней войнѣ Россіи съ Прусіей, разбросано нѣсколько замѣчаній, чрезвычайно близкихъ къ содержанію переданной нами легенды. Предлагаемъ эти извѣстія въ маленькомъ, связаномъ очеркѣ, которымъ и заключимъ рассказъ: *бочка съ золотомъ*.

Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ (одинъ изъ героевъ рассказа мужика Михайлы) былъ сынъ стольника и родился въ 1702 году. Рано потерявъ отца, онъ получилъ порядочное (по своему времени) воспитанье у своего родственника, графа Петра Матвѣевича (родного брата знаменитаго генералъ адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина, одного изъ преданнѣйшихъ слугъ Петра I-го). Степанъ Ѳедоровичъ, по обычаю своего времени, посту-

пиль на службу простымъ солдатомъ, въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Участвовалъ въ столько же славныхъ, сколько и безплодныхъ войнахъ Миниха съ Крымцами и Турками, и не столько за заслуги, сколько вслѣдствіе особаго расположенія къ нему Императрицы Елисаветы Петровны, Апраксинъ, на сорокъ девятомъ году своего возраста, былъ кавалеромъ орденовъ Св. Александра Невскаго, св. Апостола Андрея Первозваннаго, имѣлъ нѣсколько тысячъ крестьянъ, полученныхъ въ награду, и званіе генералъ-фельдмаршала; наконецъ въ 1751 году, ему ввѣрена была армія (*).

Въ это время Россія, вмѣстѣ съ Австріей, ополчилась противъ Фридриха II. Русская армія, состоявшая изъ 60,000 пѣхоты, 20,000 кавалеріи, не считая войскъ иррегулярныхъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1757 года подошла къ рѣкѣ Прегелю (въ восточной Пруссіи (**)).

Фельдмаршалъ Левальдъ (воинъ, посѣдѣвшій въ битвахъ) имѣлъ подъ ружьемъ только 22,000 человекъ; этому-то небольшому отряду (который въ донесеніи Апраксина къ императрицѣ выросъ до 40,000) поручилъ король Пруссіи прогнать непріятеля.

Обѣ арміи перешли рѣку Прегель при деревнѣ Гросъ-Егерндорфъ; 19-го августа арміи сразились. Не станемъ рассказывать подробностей битвы, они здѣсь не у мѣста. Пять часовъ продол-

(*) «Словарь достопам. людей Русской Земли», Каменскаго, 1836 г. т. I 58—60. «Энцикл. лексик.», 1835, т. II., 438. «Царствование Елисаветы», Вейдмейера, 1834 г. 14—15. «Записки Манштейна, ч. I. с. 355, изд. 1771.

(**) Въ «Энци. лекс.», т. II, стр. 438, число войска показано только 50,000, а отрядъ Левальда увеличенъ до 30,000. Мы слѣдуемъ «Историческимъ Запискамъ о Семилѣтней войнѣ» Рецова и примѣчаній къ нимъ г. Казадаева, ч. I, и «Магазину» Бюшинга, т. XVI. Странно, что по поводу Семилѣтней войны въ нашихъ сочиненіяхъ есть много невѣрностей. Укажу на нѣкоторыя: Апраксинъ въ реляціяхъ о побѣдѣ 19-го августа два раза, въ числѣ причинъ, способствовавшихъ къ одержанію побѣды, указываетъ на дѣйствія гаубицъ, изобрѣтенныхъ Шуваловымъ, которыя, по словамъ Апраксина, «толикую пользу приносятъ своимъ великимъ дѣйствіемъ, что, конечно, за таковою его трудъ оный заслуживаетъ великой награды». Биографъ же Апраксина, Каменскій, положительно утверждаетъ, что Шуваловскія гаубицы были изобрѣтены гораздо позже Егерндорфской битвы. (Стр. 60, т. I.)

Самый обстоятельный и дѣльный рассказъ о нашемъ походѣ въ Пруссію въ 1757 году составленъ г. Пекарскимъ. «Военный Сборникъ», № 3-й 1858 года.

жался кровавый бой. Несмотря на необыкновенную стойкость и безстрашие Пруссаковъ (о храбрости которыхъ свидѣтельствуется самъ Апраксинъ, въ своей реляціи), они были сломаны, опрокинуты и обращены въ бѣгство. Пять часовъ сомнителенъ былъ успѣхъ, доколѣ удачное дѣйствіе Румянцова не даровало Апраксину побѣды.

Потеря непріятеля, если вѣрить велерѣчивой реляціи Апраксина, простиралась до 10,000 человекъ. Съ нашей стороны, на основаніи той же реляціи, пало 800 человекъ, а раненыхъ было до 5,000 человекъ. Двадцать-девять орудій были трофеями побѣдителей.

Два пышныхъ, громкія донесенія были отправлены въ Петербургъ (*). Обрадованная государыня, при первомъ же извѣстіи о славной побѣдѣ, въ память ея, приказала ввести въ фамильный гербъ Апраксина двѣ крестообразно положенныя пушки.

Въ то время, какъ въ Петербургѣ ликовали по случаю этого торжества, прославляли побѣдителя, толковали о покореніи всей Пруссіи, фельдмаршалъ, послѣ цѣлой недѣли бездѣйствія, отдалъ приказъ (27-го августа) своей арміи отступать.

Отступление и переходъ черезъ рѣку были совершены въ такомъ безпорядкѣ, съ такою поспѣшностью и въ такомъ замѣшательствѣ, какъ будто бы Русскіе были разбиты на голову.

Каково было изумленіе, а за тѣмъ и негодованіе императрицы, когда она получила извѣстіе о столь страшномъ бѣгствѣ послѣ блестящей побѣды?

Немедленно къ генералъ-фельдмаршалу посланъ строжайшій приказъ: сдать командованіе генералу Фермору и явиться въ Ригу.

Жители Риги, не подозрѣвавшіе тучи, скопившейся надъ полководцемъ, встрѣтили его съ торжествомъ, какъ побѣдителя,

(* «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1757 года и примѣчанія къ нимъ августа 28 и друг. Число убитыхъ съ нашей стороны по реляціямъ было 800 человекъ, Вейдемейеръ же увеличиваетъ эту цифру до 1,400 человекъ (стр. 12, ч. II), а потерю непріятеля показываетъ до 12,000. Реляціи Апраксина напечатаны еще при «Запискахъ» В. А. Нащокина (1812 г., Спб., стр. 310—334.)

но побѣдитель получилъ новое приказаніе ѣхать въ Нарву и тамъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Нарвѣ, побѣдитель Фридриха былъ арестованъ и подъ конвоемъ, *секретно*, перевезенъ въ путевой дворецъ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, у мѣста, называемаго *Три руки*. Апраксину суждено было не выѣзжать изъ этого дворца, сдѣлавшагося для него тюрьмой и гробомъ.

Различнымъ образомъ объясняютъ неожиданное отступленіе Апраксина. Одни приписываютъ его письму, полученному фельдмаршаломъ отъ канцлера графа Бестужева-Рюмина. Сильный временщикъ, увѣдомляя его объ опасной болѣзни императрицы, совѣтовалъ поспѣшно оставить Пруссію въ угодность наследнику престола Петру III, благоговѣвшему предъ Фридрихомъ II (*).

Бюшингъ повѣствуетъ иначе, и мы вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ (**) признаемъ его рассказъ основательнѣе другихъ. Бестужевъ, пишеть составитель «Историческаго Магазина», ненавидимый великимъ княземъ, отважился содѣйствовать къ возведенію на престолъ сына его Павла Петровича, подъ опекунствомъ Екатерины. Тяжкая болѣзнь императрицы представила ему случай исполнить отважное намѣреніе. Полагая, что императрица Елисавета находится на смертномъ одрѣ, онъ отозвалъ своего друга, фельдмаршала Апраксина, къ предѣламъ Россіи, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи его армію. Оправившись, совершенно неожиданно, отъ болѣзни, императрица сослала канцлера, самовластно управлявшаго въ теченіе 18 лѣтъ всей Россіей. Въ указѣ, по случаю сей ссылки, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ названъ бездѣльникомъ, клятвенарушителемъ, измѣнникомъ отечеству, челоукомъ, состарѣвшимся въ злодѣяніяхъ, и проч. (***) А между тѣмъ, еще прежде приговора надъ канцлеромъ, исполнитель его воли, Апраксинъ, подвергнуть былъ стро-

(*) Вейдемейеръ, ч. II, стр. 14. Нащокинъ, стр. 335. Каменскій, стр. 62. «Энцикл. лекс.», стр. 439 и друг.

(**) «Слов. достоп. люд.», 1836 г., т. I, стр. 63—64.

(***) «Полн. Собр. Зак.», 1758 г. февр. 27. Ссылка Бестужева продолжалась до восшествія на престолъ Екатерины II. Онь скончался въ 1766 году, апрѣля 10-го.

жайшему слѣдствію, даже формальному суду. Старшимъ членамъ слѣдственной комиссіи (наряженной по сему случаю) былъ назначенъ князь Никита Григорьевичъ Трубецкой, нѣкогда столь жестоко и пристрастно осудившій Миниха, Остермана, Левенвольда, Головкина и другихъ.

Находящемуся при Апраксинѣ генералъ-квартирмейстеру Веймарну даны были по сему дѣлу вопросные пункты. Какъ Веймарнъ (*), такъ и самъ Апраксинъ, утверждали, что отступление предпринято было вслѣдствіе недостатка припасовъ продовольствія, которыя съ трудомъ доставлялись моремъ. Особенно странно то, что ретирада была совершена по единогласному опредѣленію военного совѣта, два раза собиравшагося (**).

Несчастному фельдмаршалу, при строжайшемъ изслѣдованіи его поступковъ, изслѣдованію, производимому по особому повелѣнію, угрожали всѣ ужасы пытокъ, виски или дыбы; пытки водою, огнемъ, желѣзомъ и прочими орудіями адскихъ мукъ, коими такъ еще долго истязали людей, доколѣ строжайшій указъ благодушнаго Александра I въ 1801 году, 27-го сентября, не положили конца этому звѣрству (**).

Апраксину угрожали пытки. Спасительницею несчастнаго явилась дочь его, княгиня Елена Степановна Куракина. Она славилась удивительной красотой. Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ временщиковъ того времени, былъ цѣлненъ красотой Куракиной. Онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы пріобрѣсть любовь и сердце красавицы. Она отвергала мольбы сластолюбиваго вельможи. Но вотъ отцу Елены Степановны угрожаютъ всѣ ужасы заступничнаго розыска. Его можно спасти чрезъ заступничество Петра Ивановича Шувалова, каждая просьба котораго исполняется государыней. Чѣмъ же пріобрѣсть это ходатайство? Княгиня Куракина не задумывается въ выборѣ средствъ: ради спасенія нѣжнолюбимаго отца, она рѣ-

(*) Вопросные пункты и его отвѣты на нихъ напечатаны Гупелемъ въ *Neue nordische Miscellaneen*, Stück VII, стр. 1—226.

(**) Нащокинъ, стр. 335 — 337. Каменскій, стр. 62. Вейдемейеръ, стр. 16 и друг.

(***) «Описаніе судебныхъ дѣйствій» Горюшкина. Москва, 1815 года, ч. II. стр. 998.

шается на ужасное самоотверженіе. Цѣною своей красоты, она покупаетъ отцу если не совершенное прощеніе, то освобожденіе отъ пытокъ.

Этотъ любопытный фактъ сохраненъ однимъ изъ современниковъ. О немъ, между прочимъ, вскользь замѣчаетъ и почтенный составитель «Словаря достопамятныхъ людей» (*).

Медленно тянулись слѣдствіе и допросы по дѣлу Апраксина. Императрица, недовольная этимъ и почувствовавъ жалость къ Апраксину, спросила у слѣдователей, отъ чего такъ долго продолжается дѣло? Они отвѣчали, что фельдмаршалъ не признается ни въ чемъ и что они не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. «Ну, такъ», возразила государыня, *«остается послѣднее средство, прекратить слѣдствіе и оправдать невиннаго»*.

Послѣ сего разговора, въ первое засѣданіе комиссіи 6-го августа 1758 года, фельдмаршалъ по прежнему утверждалъ свою невинность. «И такъ», сказалъ одинъ изъ членовъ комиссіи, *«остаётся намъ теперь употребить послѣднее средство...»*

Но не успѣлъ онъ кончить словъ, какъ апоплексическій ударъ повергъ Апраксина мертвымъ на землю. Злополучный фельдмаршалъ вообразилъ себѣ, что его хотятъ пытать (**).

Степана Ѳеодоровича погребли въ Александро-Невской лаврѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ хоронятъ всѣхъ, а не въ особомъ склепѣ, куда кладутъ только тѣла высокихъ сановниковъ (?); впрочемъ, тѣло его было положено въ соборной каменной церкви. «Хоронили, пишетъ Нащокинъ, съ отправленіемъ панихиды, но военнаго парада не было».

(*) Каменскій, т. I, стр. 62.

(**) Смерть Апраксина послѣдовала отъ параличной болѣзни. Нащокинъ, стр. 172. Примѣчанія къ нимъ Д. Языкова, стр. 336—337. Каменскій дѣлаетъ важную ошибку, говоря: «Апраксинъ три года томился подъ судомъ и скончался внезапно 26 августа 1760 года». Всѣ эти цифры невѣрны. Нѣкто А. В. В., по тому же случаю вѣрно указывая на годъ (1758), ошибается, ссылаясь на 26 августа, какъ на годъ смерти генераль-фельдмаршала. «Энцикл. Лекс.», стр. 439, т. II. Неизвѣстно, на основаніи какого источника Вейдемейеръ утверждаетъ, «что съ Апраксинымъ сдѣлался ударъ послѣ первыхъ допросовъ, и что отъ этого удара онъ умеръ спустя цѣлыя сутки», стр. 14, ч. II.

Степанъ Θεодоровичъ Апраксинъ, по словамъ Каменскаго, былъ добрый супругъ, нѣжный отецъ и вѣрный другъ; любилъ благодѣтельствовать неимущимъ, раненымъ и дряхлымъ воинамъ; имѣлъ быстрое соображеніе на ратномъ полѣ и отличался храбростью (*).

Нѣкоторые другіе писатели называютъ его человекомъ съ весьма хорошимъ образованіемъ и прекрасными душевными качествами (**).

Но послѣдняго-то и не находятъ въ немъ Нашокинъ, служившій съ нимъ и хорошо его знавшій. Въ своихъ интересныхъ запискахъ онъ свидѣлствуетъ, что Апраксинъ былъ себялюбецъ, эгоистъ, дорожилъ только собственнымъ счастіемъ, бросалъ людей, въ коихъ болѣе не нуждался, заискивалъ расположеніе тѣхъ изъ сильныхъ міра сего, отъ которыхъ зависѣла его карьера; «всему по его счастію служило его правило, а правъ онъ ни во что вмѣнялъ». Выводилъ *въ люди* своихъ низкопоклонниковъ, льстецовъ, ползавшихъ предъ нимъ; обманъ и ложь—были его достояніе; рычагъ всѣхъ его дѣйствій было честолюбіе (**).

«*Повѣствуютъ*», говоритъ Бантышъ-Каменскій, «будто бы Апраксинъ отправилъ изъ Пруссіи, посредствомъ одного маркиганта, *нѣсколько боченковъ съ червонцами*, велѣвъ написать, что они были *съ виномъ*. Фельдмаршалша, увѣдомленная супругомъ своимъ, поставила при себѣ боченки въ погребъ и, выславъ людей, откупорила одинъ; но, къ чрезвычайному удивленію ея, вмѣсто червонцевъ, полилось вино. Такъ маркигантъ успѣлъ воспользоваться паденіемъ Апраксина». (стр. 62—63).

Д. Языковъ, перепечатавая это извѣстіе въ одномъ изъ примѣчаній къ «Запискамъ Нашокина» (Спб. 1842 г., стр. 336), находитъ, «что это повѣствованіе очень похоже на сказку».

Того же мнѣнія держится и г. Пекарскій, въ своемъ мастерскомъ очеркѣ «Похода 1757 года».

(*) «Словарь», т. I, стр. 62—63.

(**) «Энцикл. лекс.», стр. 439.

(***) Степанъ Θεодоровичъ былъ женатъ на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой. Она умерла въ званіи статсъ-дамы императорскаго Двора въ 1776 г. Дочь Апраксина, княгиня Елѣна Степановна Куракина, умерла въ 1768 году, на 34 отъ рожденія. Обѣ онѣ похоронены близъ мужа и отца своего.

Но если сказка повторяется *многими* писателями, если она сохранена въ запискахъ современниковъ, если наконецъ (и это всего важнѣе) она прожила цѣлое столѣтіе въ глухомъ углу какой нибудь Смоленской губерніи и доселѣ разсказывается съ мельчайшими подробностями, разумѣется, не безъ прикрасть, старикомъ крестьяниномъ, такъ это ужъ не сказка, а *историческое преданіе*, въ которомъ, если не все, то многое справедливо.

М. СЕМЕВСКІЙ.